

УДК 1:378:316.35
DOI 10.20339/AM.05-24.020

Н.Н. Губанов,
д-р филос. наук, доцент,
профессор кафедры гуманитарных наук
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
e-mail: gubanovnn@mail.ru

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ПЕРВИЧНАЯ СРЕДА ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

В статье проводится социально-философский анализ интеллектуальных сообществ как особого рода коллективных единств. Реконструированы обыденные представления о том, кто такие интеллектуалы, и выявлена недостаточность этих представлений для научного дискурса. Приведено определение интеллектуалов, данное Р. Коллинзом, и показана необходимость его дальнейшего уточнения и развития. Изложена оригинальная теория интеллектуальной деятельности, в основе которой лежит разработанная автором процедурная концепция рациональности. Ядром концепции служит т.н. широко понимаемый принцип достаточного основания, получающий в статье трансцендентально-прагматическое обоснование. Продемонстрировано, что деятельность, согласующаяся с этим принципом, является фактором, конституирующим интеллектуальные сообщества. В рамках развиваемого в статье подхода интеллектуалы понимаются как люди, участвующие в систематическом производстве нового рационального знания. Высказана оригинальная гипотеза о фрактальной природе процесса производства рационального знания. Дана характеристика интеллектуалов как социальной группы с точки зрения социологического канона, представленного П. Сорокиным в его «Системе социологии». В качестве важного логического следствия развиваемых в статье взглядов зафиксировано следующее обобщенное положение: система образования выступает первичной, базовой, универсальной средой формирования интеллектуальной ментальности.

Ключевые слова: интеллектуалы, интеллектуальная ментальность, интеллектуальные сообщества, процедурная концепция рациональности, образование, рациональное знание.

EDUCATION AS A PRIMARY ENVIRONMENT FOR THE FORMATION OF INTELLECTUAL MENTALITY

Nikolay N. Gubanov, Dr. Sci. (Philosophy), Docent, Professor of sub-faculty of Humanities at Financial University under the Government of the Russian Federation, e-mail: gubanovnn@mail.ru

The article provides a socio-philosophical analysis of intellectual communities as a special kind of collective unity. Everyday ideas about who intellectuals are reconstructed and their insufficiency for scientific discourse is revealed. The definition of intellectuals given by R. Collins is given and the need for its further clarification and development is shown. An original theory of intellectual activity is presented, which is based on the procedural concept of rationality developed by the author. Its core is the so-called a broadly understood principle of sufficient reason, which receives a transcendental-pragmatic justification in the article. It has been demonstrated that activities consistent with this principle are a factor constituting intellectual communities. Within the framework of the approach developed in the article, intellectuals are understood as people participating in the systematic production of new rational knowledge. An original hypothesis has been put forward about the fractal nature of the process of producing rational knowledge. The characteristics of intellectuals as a social group are given from the point of view of the sociological canon presented by P. Sorokin in his "System of Sociology". As an important logical consequence of the views developed in the article, the following generalized position is recorded: the education system acts as the primary, basic, universal environment for the formation of intellectual mentality.

Keywords: intellectuals, intellectual mentality, intellectual communities, procedural concept of rationality, education, rational knowledge

Постановка задачи

В настоящее время условием успешного развития нашей страны служит интенсивная инновационная деятельность во всех сферах общества. Источником последней является активность интеллектуалов, членов особых социальных групп — интеллектуальных сообществ. Первичной средой формирования и консолидации этих сообществ выступает система образования, в которой главное место занимают классические университеты, готовящие через систему высшего и послевузовского профессионального образования интеллектуальную элиту. В настоящее время уже сложилось такое научное направление, как изучение

интеллектуальной истории [1. С. 290], однако вопросы о том, кто такие интеллектуалы, как формируются, консолидируются и функционируют интеллектуальные сообщества, разработаны крайне недостаточно. Попытка дать ответы на эти вопросы составляет цель данной статьи. Начнем с анализа основных обыденных представлений об интеллектуалах.

1. Под интеллектуалами могут подразумеваться люди, обладающие какими-либо выдающимися социально-психологическими качествами: например, интеллектуальными способностями (в просторечии — «умом»), большой эрудицией, престижным образованием, хорошим воспитанием, склонностью всё время учиться новому, много читать и т.д. Это понимание неудовлетворительно по той причине,

что индивид может сколько угодно обладать любым из этих качеств или ими всеми вместе взятыми, но если он не участвует в какой-либо регулярной целенаправленной познавательной деятельности, не производит сколь-либо нового и общезначимого результата, то вряд ли стоит включать его в сообщество интеллектуалов и изучать его эпизодические достижения – прочитал новую книгу, выучил новый язык, оригинально сострил в компании и др. – в качестве событий интеллектуальной истории.

2. Интеллектуалами могут называть представителей определенных профессий, например, научных сотрудников, преподавателей, писателей, инженеров и т.д., выдавая список таких профессий. Под профессией будем понимать вслед за П.А. Сорокиным «обычное для занятия индивида, дающее ему средства к существованию» [2. С. 182]. Этот подход также следует забраковать в силу того, что совершенно неясно, каковы критерии включения профессий в этот список. Например, юристы, священнослужители, медработники, музыканты (певцы, композиторы, дирижеры и т.д.), художники, артисты, госслужащие (депутаты, судьи, прокуроры, сотрудники администраций и т.д.), предприниматели (бизнесмены) являются интеллектуалами? Далее, не ясно, абсолютно ли все представители выбранных профессий будут интеллектуалами в полном смысле этого слова. Каждый ли инженер, журналист, юрист, священник и т.д. является интеллектуалом? Различных профессий несметное множество, постоянно появляются новые, некоторые люди имеют несколько профессий. По профессии в указанном смысле человек может быть, скажем, стекольщиком, как Б. Спиноза, или библиотекарем, как Н.Ф. Федоров, или вообще не иметь профессии и быть бомжом, как Диоген-Собака, – но это не мешает нам относить их к влиятельным интеллектуалам, оставившим значительный след в истории человеческой мысли.

3. К интеллектуалам могут относить людей, занимающихся – неважно, профессионально или нет – т.н. умственной (творческой, культурной, духовной) деятельностью (работой, производством) в противоположность физической (материальной, нетворческой, шаблонной). Главный порок такого понимания – относительность и расплывчатость смысла, вкладываемого во все эти характеристики. Поскольку человек – это по своей сути существо разумное, творческое, культурное, обладающее интеллектуальными и эстетическими потребностями, то любая его деятельность является в какой-то мере и умственной, и культурной, и творческой, и духовной. Стало быть, весь вопрос заключается в определении степени количественной выраженности этих характеристик в его конкретной деятельности. Но как это сделать? Особенно в современных условиях, когда активно размываются границы между умственным и физиче-

ским трудом, когда повсеместно используются технические, в частности информационные, средства, когда появляются новые виды деятельности и их представители – блогеры, ютуберы, инстаграмеры, лайф-коучи, бьюти-коучи, специалисты по личностному росту, эффективным продажам, финансовому успеху и т.д.? Все они точно не заняты физическим трудом и материальным производством, и в чем-то их деятельность определенно творческая, но все-таки сомнительно, чтобы они поголовно были интеллектуалами, а кое-кто из них, возможно, даже является мошенником.

Итак, различные повседневные представления, как у нас получилось их воспроизвести, не дают удовлетворительного решения вопроса о принадлежности субъекта к социальной группе интеллектуалов, хотя каждая из рассмотренных позиций содержит в себе некое рациональное зерно. Далее будет показано, что в наших представлениях:

- ◆ первая позиция справедлива в том, что для того, чтобы быть интеллектуалом необходимо обладать определенными способностями и знаниями;
- ◆ вторая позиция права в том, что социальная группировка интеллектуалов обладает наибольшим «социологическим сродством» (термин П. Сорокина) с профессиональной группировкой;
- ◆ третья позиция верно отмечает, что интеллектуальные сообщества конституируются участием своих членов в определенном виде деятельности.

Обратимся тогда к мнению признанного специалиста по интеллектуальной истории – Р. Коллинза, автора титанического труда «Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения», писавшегося им на протяжении более чем 25 лет. Там приводится следующее определение: «Интеллектуалы – это люди, которые производят деконтекстуализированные идеи. Предполагается, что эти идеи верны или значительны вне каких-либо местных условий, какой-либо локальности и вне зависимости от того, применит ли их кто-либо на практике. Математическая формула претендует на то, чтобы быть верной в себе и сама по себе, вне зависимости от того, используется она или нет и доверяет ли ей кто-либо или нет. Литературная или историческая работа претендует на такой же статус, поскольку она понимается как искусство или ученость: часть царства, более высокого, более достоверного, менее ограниченного конкретными возможностями человеческих действий, чем обычные виды мыслей и вещей» [3. С. 65].

Вырванная из контекста всей впечатляющей работы Коллинза, эта остроумная дефиниция также вызывает некоторые вопросы. Например, бывают ли вообще деконтекстуализированные на все 100% идеи? Коллинз приводит пример математических формул, но, строго говоря, они также привязаны к своим контекстам. Например, одно дело

евклидова геометрия, другое – неевклидовы геометрии; аналогичное положение в физике: одна формула для выражения какой-либо величины в классической ньютоновской физике и другая – в теории относительности или квантовой механике. Даже такие столпы универсальности, как законы формальной логики, не работают в некоторых нетривиальных логических системах: скажем, закон исключенного третьего – в интуиционистской логике, а закон непротиворечия – в многозначной логике Яна Лукасевича или Стивена Клини [4].

Раз абсолютно деконтекстуализированных идей не существует, то встает другой вопрос: насколько обширным, всеохватывающим, подтвержденным должен быть контекст, чтобы значимость в его пределах делала идею «интеллектуальной» и отличала бы ее от «обычных мыслей»? Чем это определяется и как достигается? Пока не ясно. Следовательно, как рассматриваемое определение Коллинза, так и в целом его подход к выделению интеллектуалов в качестве особого социального единства нуждаются в уточнении и развитии.

Рациональность как фактор конституирования интеллектуальных сообществ

Основная часть проблемы сводится к необходимости создания и обоснования теории, раскрывающей механизм конституирования интеллектуальных сообществ. На наш взгляд, таковым является социально-конструктивистский механизм, названный нами *широко понимаемым принципом достаточного основания* [5]. Мы его получили в ходе экспликации когнитивно-коммуникативных предпосылок, очерчивающих контур определенного рода долгосрочной дискуссии, ориентированной на поиск истинности или нормативной правильности и проводимой посредством приведения оснований. Данный принцип задает общую схему аргументативной игры, в которую вступают акторы, искренне заинтересованные в коллективном поиске наилучшим образом обоснованных утверждений, фундированных максимально доступным им в данной ситуации совокупным общечеловеческим опытом. Он покоится на всеобщих прагматических предпосылках, неявно или явно принимаемых всеми, кто вступает в дискурс с искренней целью достижения истины или нормативной правильности, и в этом трансцендентально-прагматическом качестве он является важнейшим внутренним движущим мотивом рациональной дискуссии, побуждающим коммуницирующих субъектов на:

1) напряженный поиск наилучших аргументов в пользу тех или иных утверждений, которые они признают пра-

вильными и *свободно* вводят в дискуссию; эта работа проводится каждым актором на основе всего его совокупного опыта и всей имеющейся в его распоряжении информации;

2) вступление в аргументативную игру с другими индивидами, имеющими свои аргументы по поводу этих утверждений; под действием взаимной критики участники дискуссии могут модифицировать свои утверждения и аргументы и брать тайм-ауты с целью поиска дополнительных свидетельств;

3) оценку и сравнение силы всех выдвинутых положений (оценка аргументов, оценка степени подтверждения утверждений аргументами, оценка утверждений в свете релевантных аргументов) в ходе коллективного открытого обсуждения, к которому допускаются все компетентные и заинтересованные в данной области субъекты;

4) принятие коллективного решения по поводу того, какие из обсуждаемых утверждений и в каких формулировках будут приняты, а какие отклонены; такое принятие означает признание социальной значимости знания, консенсус по поводу принимаемых положений – критерий их социальной значимости;

5) органичное включение принятых утверждений в личный фонд знания с возможной корректировкой как новых, так и принятых ранее компонентов знания, чтобы новые утверждения вписались когерентным образом в имеющуюся систему знания (иногда принятие новых утверждений вызывает коренную перестройку последней) [6].

Знание, систематически получаемое посредством такой долгосрочной циклической самокорректирующейся процедуры, мы предлагаем называть рациональным (отсюда – *процедурная концепция рациональности*). Представленную выше пятикомпонентную схему мы именуем *широко понимаемым принципом достаточного основания*. «Широко понимаемый» – чтобы читатель ошибочно не подумал, что подразумевается какой-то конкретный закон формальной логики. «Принцип достаточного основания» – на наш взгляд, в сообществе разумных существ, искренне стремящихся достичь истины или нормативной правильности, в данное время нет и не может быть другого достаточного основания для принятия или отвержения какого-либо тезиса. В системе аргументов участников дискуссии заключены все известные им релевантные эмпирические, логические, апеллирующие к эвристичности, простоте, красоте, надежному методу получения, здравому смыслу, хорошо проверенной временем традиции и все иные возможные свидетельства в пользу рассматриваемого тезиса [4; 6]. Отметим, что приведенная схема является, с одной стороны, идеальным типом, репрезентирующим смысл рациональной дискуссии как таковой, а с другой стороны, в силу своей трансцендентально-прагматической природы – аттрактором, к которому стремятся

реальные эмпирические системы взаимодействия между компетентными субъектами, заинтересованными в достижении действенных утверждений. Степень соответствия реальных долговременных дискуссий этой схеме определяет степень рациональности знания, получаемого в ходе таких дискуссий. Те социальные системы, взаимодействия в которых втягиваются в воронку данного аттрактора, стремятся соответствовать данному шаблону и начинают воспроизводить этот паттерн в течение достаточно продолжительного времени – являются интеллектуальными системами, а составляющие их субъекты могут быть названы интеллектуалами. Итак, *интеллектуалы – это лица, участвующие в систематическом производстве рационального знания.*

Покажем, с какими другими теоретическими изысканиями наш подход имеет важные точки сопряжения. Во многом наша процедурная концепция рациональности вдохновлена теорией коммуникативного действия Ю. Хабермаса. «Коммуникативными я называю такие интеракции, в которых их участники согласуют и координируют планы своих действий; при этом достигнутое в том или ином случае согласие измеряется интересубъективным признанием притязаний на значимость» [7. С. 91]. Участвуя в процессах взаимопонимания, акторы своими речевыми действиями выдвигают различные притязания на значимость, среди которых два – на истинность и нормативную правильность – могут быть разрешены дискурсивным образом, т.е. посредством приведения оснований. В теоретическом дискурсе выходят на передний план дескриптивные (описательные, констативные, ассерторические) предложения, они выражают притязания на истинность и говорят о фактах. В практическом дискурсе на переднем плане находятся нормативные (прескриптивные, регулятивные) предложения, выражающие притязания на нормативную правильность и говорящие о нормах (являются ли нормы правильными в моральном плане) [8].

Близкие взгляды принадлежат и С.А. Лебедеву, отстаивающему консенсуально-экспертный характер научной истины. В основе его подхода лежит конструктивно-репрезентативная теория процесса научного познания, согласно которой подлинным субъектом научного познания является «не отдельный ученый, а дисциплинарное научное сообщество», а все научные дискуссии в конечном итоге заканчиваются «достижением некоторого устойчивого состояния, либо оправданием, либо отторжением (частичным или полным) предложенных изменений в системе научного знания. И то, и другое достигается и фиксируется посредством определенного консенсуса среди членов дисциплинарного научного сообщества, выработка которого занимает часто весьма продолжительное время» [9. С. 85]. Так, достижение консенсуса в ходе когнитивных переговоров ученых в отношении

приятия истинности гелиоцентрической модели Солнечной системы потребовало около 200 лет, неевклидовой геометрии – около 50 лет, квантовой механики – около 25 лет, частной теории относительности – около 15 лет [Там же].

Похожие идеи высказывает Р. Коллинз: «Мыслители не предшествуют общению, но сам коммуникативный процесс создает мыслителей в качестве своих узлов... Экономические и политические макроструктуры не объясняют многое в абстрактных идеях, поскольку такие идеи существуют только там, где имеется сеть интеллектуалов, сосредоточенных на своих собственных аргументах и накапливающих свой собственный понятийный багаж» [3. С. 47].

Вообще-то, теория интеллектуальных сетей и интерактивных ритуалов Р. Коллинза дала нам очень много для построения своей собственной концепции, но с одним моментом позволим себе не согласиться. Коллинз утверждает, что у интеллектуалов есть один главный сакральный объект – Истина [3]. Мы же считаем, что таких объектов два – Истина и Добро (последнее на языке этики дискурса Ю. Хабермаса звучит как «нормативная правильность»). Именно эти два притязания на значимость (истинность и нормативная правильность) выдвигались интеллектуалами во все времена, и именно эти притязания могут быть разрешены дискурсивным способом. С последним утверждением не согласятся этические скептики и некогнитивисты, полагающие, что разуму нет места в области морали. Мы же убеждены в необходимости отстаивания этического когнитивизма, особенно посредством системы образования, что мы и попытались показать в нескольких наших последних работах [6; 10].

Основные социологические и культурологические характеристики интеллектуалов как особого коллективного единства

К какому типу коллективного единства относится группировка интеллектуалов? П. Сорокин дает следующее определение: «Под элементарным или простым коллективным единством я понимаю реальную, а не мнимую совокупность лиц, объединенных в одно взаимодействующее целое каким-либо одним признаком, достаточно ясным и определенным, не сводимым на другие признаки» [2. С. 65]. Согласно нашему подходу, в случае с интеллектуалами таким признаком является их систематическое участие в производстве рационального знания. Членами единого взаимодействующего целого их делает включенность в социальную сеть, обладающую системными свойствами, дающими возможность получать в ее пределах знание в соответствии с широко понимаемым принципом достаточного основания. Интеллектуалы могут выполнять разные функции в рамках

системного целого: одни могут бескомпромиссно спорить, редко соглашаясь со своими оппонентами, и бесконечно изобретать новые гипотезы *ad hoc* в пользу своей позиции, другие – проявить склонность к синтезу, компромиссу и обобщениям, третьи – сосредоточить свои усилия на организационной части, обеспечивая встречи, подведение итогов, публикацию результатов и т.д.

Интеллектуалы могут отличаться по формам и периодичности выдачи своего основного интеллектуального продукта. Например, одни могут время от времени печататься в газетах, журналах, выкладывать сообщения в интернете, другие могут часто выступать устно на собраниях, третьи – выдавать по фундаментальному трактату раз в десять лет и т.д. Также интеллектуалы могут отличаться по своим личностным качествам: одни могут быть нелюдимыми и замкнутыми, как Гераклит, редко появляются на людях, сидят на месте и действуют через печать, учеников и т.д., другие – всё время «светятся» на публике, всюду разъезжают, выступают, постоянно расширяя свои личные контакты. Следует признать, что наличие обширного ролевого репертуара делает сообщество интеллектуалов более гибким, эффективным, сложным. Интеллектуалы могут разительно отличаться друг от друга по своему амплуа, но тем не менее членами единого сообщества их делает то, что все они в принципе знакомы с основными проблемами, последними достижениями, аргументами, существующими в их сфере, и принимают к сведению (учитывают) это всё при своей деятельности, регулярно так или иначе взаимодействуя между собой [11].

Сделаем еще одно важное замечание. Описанная нами модель производства рационального знания воплощается в интеллектуальной деятельности одновременно на двух основных уровнях – на социальном уровне, безусловно первичном, где идут реальные споры между людьми, но также затем и на индивидуальном уровне «внутренних дискуссий» отдельного интеллектуала, разворачивающихся внутри его сознания. То есть, даже оставшись в одиночестве, в своем мышлении интеллектуал воспроизводит в общих чертах данную модель – это важнейшая черта интеллектуальной ментальности.

Например, начиная написание научной статьи, автор мучительно подбирает все возможные аргументы за или против тех или иных позиций в проблеме, которой посвящена его статья, опираясь на все свои знания в этой области. Затем ему приходит первичное решение проблемы. Развивая его далее в своей статье, изучая новые материалы по данной теме, приобретая этим новые аргументы, он его постоянно корректирует, возвращаясь к ранее написанному и что-то в нем переосмысливая. Даже имея некое общее представление, о чем он будет писать в своей статье, в каждый момент времени он еще до конца не знает, какова

будет в точности его концепция к концу написания статьи. И вот статья написана! Затем она поступает в редакцию какого-либо журнала и таким образом переходит на первичный социальный уровень интеллектуальной обработки. Если опытные интеллектуалы, коими являются редакторы и рецензенты, опираясь на известные им системы аргументов, возможно, сделают ряд замечаний и собственных правок, а после примут на редсовете решение о целесообразности ее публикации, она выйдет на еще более высокий уровень интеллектуальной экспертизы – станет достоянием аудитории этого журнала. Ну а если высказанные в статье идеи заинтересуют читателей журнала, то они инкорпорируют эти идеи в свои системы аргументов, будут использовать их в своем мышлении для «внутренних дискуссий» и в дальнейшем цитировать эти идеи в других журналах, с чем-то соглашаясь, а что-то критикуя – это будет еще более высокий уровень интеллектуальной обработки данной концепции. И наконец, если эта статья будет переведена на другие языки или ее идеи процитированы в иностранных журналах, то данная концепция может приобрести мировую значимость. Итак, производство рационального знания имеет *фрактальную природу* и сразу разворачивается на многих уровнях – на индивидуальном и на различных, постепенно расширяющихся, социальных уровнях, но на каждом уровне подчиняясь описанному нами паттерну.

Интеллектуальные коллективы возникают в тех областях человеческой деятельности, где:

- ♦ во-первых, накапливается достаточно разнообразных сведений и для дальнейшего успешного развития появляется настоятельная необходимость обрабатывать, упорядочивать и систематизировать эти сведения в рамках неких объединяющих теорий;
- ♦ во-вторых, складываются социальные условия для такой синтетической работы.

Иными словами, интеллектуальные группы возникают там, где на регулярной основе начинает производиться рациональное знание. Приведем примеры интеллектуальных сообществ.

Все действующие, выдающие результат, научные сообщества являются интеллектуальными коллективами. Конечно, не все поголовно, кто числится научными сотрудниками, являются интеллектуалами. Например, если какой-нибудь пожилой авторитетный академик просто числится для солидности, но реально уже никакой научной работы не делает, а только важно надует щеки на собраниях, произнося здравницы, то, к сожалению, он выпал из интеллектуальной сети, какие бы достижения у него ни были в прошлом. Или сотрудник лаборатории, основная функция которого протирать мензурки спиртом, тоже не может считаться интеллектуалом, какие бы отличные научные результаты ни выдавала лаборатория.

Одними из первых и самых типичных интеллектуальных сообществ были философские школы Античности, сформировавшиеся из людей, занятых регулярным построением теоретически-рациональной формы мировоззрения. По своему социальному статусу, способу добывания средств к существованию и т.д. они могли быть кем угодно, – сравнить Диогена Синопского, софистов, Платона, Марка Аврелия. Их объединяла не профессия, класс или статус, а участие в общей деятельности и владение общей проблематикой. Интеллектуальное сообщество философов создало резервуар идей, из которого возникшие впоследствии сети ученых актуализировали некоторые пригодные им смыслы [12].

Другой пример: в позднюю Античность и Средние века в Европе массово рождались различные религиозные интеллектуальные группировки; в виде многочисленных течений, направлений, сект они ожесточенно спорили между собой, а в своей взаимодействующей совокупности породили в результате единое христианское интеллектуальное сообщество, которое даже изобрело такую форму «приведения своих положений к общему знаменателю», как Вселенские соборы.

Еще примеры интеллектуальных сообществ меньшего масштаба – кружок Мерсенна и французские Энциклопедисты эпохи Просвещения. Эти сообщества складывались на стыке многих областей, таких как наука, религия, философия, искусство, ремесла.

В области политики и права складываются многочисленные иерархизированные интеллектуальные сообщества, в которые могут входить, скажем, профессиональные юристы, различного рода эксперты, депутаты, сенаторы, чиновники разного уровня, представители высшего руководства страны и т.д. Члены таких сообществ также регулярно встречаются, выступают, спорят, приходят к каким-то предварительным итогам, публикуют их в своих программных документах, затем, при обнаружении новых обстоятельств, вносят правки в эти программные документы и т.д. В своей совокупности все эти интеллектуальные сообщества непрерывно разрабатывают свой главный интеллектуальный продукт, который обобщенно может быть назван «Свод законов государства». Как и в случае с научными интеллектуальными коллективами, не каждый, кто числится на соответствующей должности, может быть назван интеллектуалом, а только тот, кто реально участвует в производстве нового рационального знания. Например, царь-дурачок, который только номинально сидит на троне, или некомпетентный депутат, который спит на заседаниях и не предлагает никаких продуктивных идей, не являются интеллектуалами. Также не является интеллектуалом практикующий юрист, не входящий в интеллектуальную сеть, создающую на регулярной основе новые знания, а только применяющий уже имеющиеся знания к частным случаям.

Интеллектуальные сообщества складываются также в области бизнеса и финансов – например, советы директоров крупных компаний. Они также встречаются, спорят, приглашают когда нужно различных экспертов, заказывают институтам и агентствам разные исследования, но в конечном итоге именно они на основе всей получаемой информации непрерывно разрабатывают свой интеллектуальный продукт, который можно назвать модным в наше время термином «философия компании». Они изобретают новые потребительные стоимости, бизнес-стратегии, модели управления персоналом, способы коммуникации, финансовые инструменты и т.д.

Конечно же, часто формируются интеллектуальные сообщества в области искусства. Критики, искусствоведы, сами представители различных искусств могут объединиться вокруг какого-нибудь общего для них интеллектуального проекта. Скажем, футуризм, сложившийся вокруг Маяковского и Хлебникова. Оба проводили встречи, читали лекции, писали статьи, подписали футуристические манифесты в альманахе «Пощечина общественному вкусу» (1912) и т.д.

Примеров интеллектуальных сообществ, думаем, приведено достаточно. Но возникает вопрос – какого же рода элементарной социальной группой является группа интеллектуалов и действительно ли она элементарна?

П. Сорокин выделил следующие основные элементарные группы, на которые расслаивается современное население культурных стран: 1) расовая, 2) половая, 3) возрастная, 4) по семейной принадлежности, 5) по государственной принадлежности, 6) языковая, 7) профессиональная, 8) имущественная, 9) объемно-правовая, 10) территориальная, 11) религиозная, 12) партийная, 13) психо-идеологическая [2. С. 88]. Группировка интеллектуалов, как мы ее понимаем, относится в этой классификации к последней категории. Сорокин так характеризует психо-идеологическую группировку: «Сходство лиц в интеллектуальном отношении (в объеме и качестве знаний и верований), в чувственно-эмоциональном и в волевом делает их солидарными друг с другом и вызывает единство действия, сходные акции и реакции с их стороны... Примерами таких коллективов могут служить прежде всего научные и наукообразные общества... научные общества физиков, химиков, ботаников... всевозможные кружки для самообразования, школы и университеты, академии и научные институты, лиги знания и популяризации последнего... ассоциации позитивистов и мистиков, рационалистов и интуитивистов, марксистов и идеалистов. Легко видеть их отличие от предыдущих крупных группировок. Они не сливаются с ними и не покрываются ими» [Там же. С. 276–277]. Сорокин, по понятным историческим причинам, не узрел среди множества психоидеологических групп самую важную – группировку

интеллектуалов, которая формируется из людей, регулярно обменивающихся эмоционально заряженными символами, объединяющихся в особые сети, производящие на систематической основе рациональное знание.

Следующее важное понятие, вводимое П. Сорокиным: «Под кумулятивной социальной группой я понимаю совокупность взаимодействующих сил, связанных в одно взаимодействующее целое не одним, а двумя, тремя или рядом сходных элементарных признаков. Так, одна и та же группа лиц может принадлежать не только к одной религии, но и к одному государству, и к одной профессии. Следовательно, такая группа лиц представляет из себя кумулятивную, религиозно + государственную + профессиональную группу (напр., рабочие одной профессии + православные + русские). Она объединена не одной, а тремя скумулятивными связями, поэтому она не элементарная, а сложная социальная группа» [Там же. С. 65]. Группировка интеллектуалов является элементарной, т.е. не может быть получена кумуляцией никаких других элементарных групп, но, в свою очередь, может вступать в кумуляции с остальными простыми группами: двойные (скажем, интеллектуально + профессиональные, например, интеллектуалы-юристы), тройные (скажем, интеллектуально + профессионально + государственные, например, интеллектуалы-депутаты-россияне) и т.д. По-видимому, наибольшим «социологическим средством» группировка интеллектуалов обладает с профессиональной, легче всего с ней кумулируется, потому что некоторые профессии просто обязывают тебя быть интеллектуалом. Например, профессии научного сотрудника, преподавателя вуза (вузы даже рассматривают публикационную активность как критерий приема на работу), депутата и т.д. Также легко и естественно она кумулирует с группировками: языковой, государственной, территориальной.

Заключение

Обобщая базовые идеи нашей концепции, можно прийти к следующим выводам. Человека интеллектуалом делают три основных фактора.

1. Наличие определенных способностей. Поэтому группировка интеллектуалов является полузакрытой — интеллектуалами могут стать не все желающие, но лишь обладающие от природы необходимыми задатками к интеллектуальной деятельности. Роль системы образования заключается в том, что она выступает первичным фильтром, который отсеивает индивидов, не обладающих соответствующими задатками, а у обладающих — превращает их задатки в способности.

2. Наличие обширных знаний как в какой-либо конкретной сфере деятельности, так и знаний общекультурного

плана, позволяющих использовать совокупный интеллектуальный потенциал человечества при решении частных актуальных проблем своей сферы. Роль системы образования, особенно высшего, как раз и состоит в том, чтобы снабдить формирующегося интеллектуала этими двумя видами знания.

3. Участие в систематическом производстве нового рационального знания. Как мы пытались обосновать в предыдущих работах, образование является универсальной платформой интеллектуальных интеракций [6; 11]. Соответственно, именно во время получения образования индивид овладевает описанным нами выше паттерном создания рационального знания, имманентно содержащимся в структуре образовательного процесса. Посещая лекции, другие занятия, где обучение проводится в проблемном стиле, участвуя в различных конференциях, заседаниях студенческих кружков, начиная публиковаться в вузовских изданиях, посещая заседания диссертационных советов, защищая курсовую или дипломную работу и т.д., молодой интеллектуал приобщается к культуре долговременных дискуссий, порождающих рациональное знание. Затем приобретенные навыки могут быть использованы им при вступлении в какое-либо интеллектуальное сообщество.

Наибольшими возможностями для формирования, консолидации и функционирования интеллектуальных сообществ обладают классические университеты. Они могут формировать интеллектуальную ментальность молодых людей на протяжении длительного периода, включающего в себя четыре этапа: 1) довузовскую профориентационную работу со школьниками, 2) многообразные виды деятельности по вовлечению студентов в научные исследования, 3) более сложные формы участия формирующихся интеллектуалов в научной работе на этапе послевузовского образования, особенно при обучении в аспирантуре, 4) наконец, создавая условия для осуществления научной карьеры молодых специалистов, выпускников университетов — защиты ими кандидатской и докторской диссертаций, а также их перспективного трудоустройства.

Итак, три важнейших компонента интеллектуальной ментальности — способности, знания, навыки рациональной дискуссии — формируются в первую очередь в лоне системы образования. А группировка интеллектуалов является одним из самых могущественных социальных единств в плане влияния на историю человечества. Хотя она и не так распространена и многочисленна, как, скажем, семейная, расовая, или языковая группировки (каждый человек планеты входит в эти группы), однако интеллектуальные сообщества всегда хорошо организованны и слажены, и именно они продуцируют инновации во всех сферах нашей жизни.

Литература

1. Зверева Г.И. Интеллектуальная история в современной России: институты и направления // Преподаватель XXI век. 2018. № 4–2. С. 288–302.
2. Сорокин П.А. Система социологии. Т. 2. Социальная аналитика: Учение о строении сложных социальных агрегатов. М.: Наука, 1993. 688 с.
3. Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1280 с.
4. Ивин А.А. Теория аргументации. М.: Гардарики, 2000. 416 с.
5. Губанов Н.Н., Губанов Н.И. Модель вызова Аполлона как средство изучения интеллектуальной истории // Диалог со временем. 2022. № 81. С. 49–66.
6. Губанов Н.Н., Губанов Н.И. Образование как несущая структура общества знания // Alma mater (Вестник высшей школы). 2022. № 10. С. 30–38. DOI: 10.20339/AM.10-22.030
7. Хэбермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. 382 с.
8. Губанов Н.И., Губанов Н.Н. Проблема практического дискурса: обоснование моральных норм // Вестник Славянских культур. 2021. № 62. С. 129–142. DOI 10.37816/2073-9567-2021-62-129-142
9. Лебедев С.А. Философия и методология науки: актуальные проблемы. М.: Издательство Московского университета, 2024. 575 с.
10. Губанов Н.Н. Паритет технического и гуманитарного потенциалов общества как фактор его устойчивого развития // Alma mater (Вестник высшей школы). 2023. № 8. С. 15–23. DOI: 10.20339/AM.08-23.015
11. Губанов Н.Н. Лекция как средство трансляции культурного капитала и воспроизводства интеллектуальной элиты // Вестник славянских культур. 2023. № 69. С. 24–36. DOI: 10.37816/2073-9567-2023-69-24-36
12. Губанов Н.Н., Губанов Н.И. История научных идей сквозь призму идей философских // Диалог со временем. 2021. № 76. С. 5–19. DOI: 10.21267/AQUILO.2021.76.76.026

References

1. Zvereva, G.I. (2018). Intellectual history in modern Russia: institutions and directions. *Prepodavatel' XXI vek*. No. 4–2. P. 288–302.
2. Sorokin, P.A. (1993). *System of Sociology*. Vol. 2. Social analytics: The doctrine of the structure of complex social aggregates. Moscow: Nauka, 688 p.
3. Collins, R. (2002). *Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change*. Novosibirsk: Siberian Chronograph, 1280 p.
4. Ivin, A.A. (2000). *Theory of argumentation*. Moscow: Gardariki, 416 p.
5. Gubanov, N.N., Gubanov, N.I. (2022). The Apollo challenge model as a means of studying intellectual history. *Dialog so vremenem*. No. 81. P. 49–66.
6. Gubanov, N.N., Gubanov, N.I. (2022). Education as the supporting structure of the knowledge society. *Alma mater (Vestnik vysshey shkoly)*. No. 10. P. 30–38. DOI: 10.20339/AM.10-22.030
7. Habermas, Yu. (2001). *Moral consciousness and communicative action*. St. Petersburg: Nauka, 382 p.
8. Gubanov, N.I., Gubanov, N.N. (2021). The problem of practical discourse: the justification of moral norms. *Vestnik Slavyanskikh kul'tur*. No. 62. P. 129–142. DOI: 10.37816/2073-9567-2021-62-129
9. Lebedev, S.A. (2024). *Philosophy and methodology of science: current problems*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 575 p.
10. Gubanov, N.N. (2023). Parity of technical and humanitarian potentials of society as a factor of its sustainable development. *Alma mater (Vestnik vysshey shkoly)*. No. 8. P. 15–23. DOI: 10.20339/AM.08-23.015
11. Gubanov, N.N. (2023). Lecture as a means of translating cultural capital and reproduction of intellectual elite. *Vestnik Slavyanskikh kul'tur*. No. 69. P. 24–36. DOI: 10.37816/2073-9567-2023-69-24-36
12. Gubanov, N.N., Gubanov, N.I. (2021). History of scientific ideas through the prism of philosophical ideas. *Dialog so vremenem*. No. 76. P. 5–19. DOI: 10.21267/AQUILO.2021.76.76.026